

Посвящается Эрику

ПРОЛОГ

Посыльной строго-настрога наказали доставить мальчика до полуночи. Казалось бы, нетрудная задача, хотя куда больше она привыкла доставлять свертки, и в дневные часы, а не маленьких детей посреди ночи.

Гонорар сулили достойный, но посыльная согласилась по другой причине. Ей было любопытно — вот и все.

Она гадала, почему обеспеченная парочка обратилась именно к ней. Почему отец мальчика отказался написать адрес на обрывке бумаги и предпочел шепнуть его ей на ухо и отчего плакала мама. И наконец, кто же заберет мальчика, учитывая, что доставить его нужно не к дому и даже не к какой-нибудь постройке — а в проулок, расположенный в дальнем конце города.

Мальчик с виду был самый обыкновенный, с безупречной кожей бронзоватого цвета — чуть темнее, чем у нее самой. По пути он не поднимал головы, и казалось, что даже ночной воздух тяжело давит ему на плечи.

Посыльная шла, вытянув перед собой руку с фонарем, чтобы хоть немного рассеять мрак, и с каждым шагом тревога в ней все крепла. Ей вспомнились дедушкины рассказы о магии, рассеянной по всему свету, о незавидной судьбе маленьких ребятишек.

Не то чтобы она верила в эти сказки — они ведь для малышей, и все же ускорила шаг.

До места назначения оставался какой-нибудь квартал. Мальчик уже едва волочил ноги. Схватив его за худенькое плечо, посыльная потянула его за собой по последней улице, а потом застыла как вкопанная.

Проулок исчез. Его место заняло причудливое, узкое здание. Оно идеально поместилось между соседними ветхими домами.

У входа было темно, но вдруг из мрака вынырнула фигура.

Посыльная подвела мальчика поближе.

— Это с вами я должна была встретиться?

Незнакомец что-то поднял. Тут же вспыхнула кроваво-красная восковая свеча, и посыльная увидела юношу, бледного и голубоглазого.

Она поискала глазами спичку — как он зажег свечу? Неужто...

Над свечой поднялся золотистый, блестящий дым. Он накрыл собою улицу и обвил, точно змея, посыльную. Крошечные сверкающие частички, похожие на пылинки в отсветах луны, мерцали и потрескивали как светлячки. Или как что-то еще. В нос ударил целый букет ароматов: сперва перечная мята, потом жженный сахар — словно кто-то позабыл на плите карамель, — а следом — что-то гниlostное и цитрусовое.

Юноша приблизился к мальчику сквозь пелену золотистого дыма и по-отечески взял его за руку. Тот помешкал, а потом *сам* пошел следом за незнакомцем к узкому зданию.

Посыльная прижала ладонь к груди. Сердце колотилось о ребра в безумном, неровном ритме — такого с ней прежде не случалось. Казалось, происходит что-то странное и неправильное. Она подалась вперед, чтобы остановить юношу, но золотистый дым туго обвил ей ноги, не давая и шагу

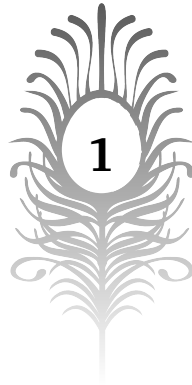
ступить. Посыльная открыла рот, чтобы крикнуть, но с губ не сорвалось ни звука — даже всхлипнуть не получилось.

Схватившись за горло, она наблюдала, как юноша остановился у входа. Он улыбнулся жуткой улыбкой, обнажив острые зубы, а потом склонился к мальчику.

— Пойдем со мной, — сказал он. — У меня есть для тебя прекрасная работа.

А потом открыл дверь и затолкал ребенка внутрь.

Дверь захлопнулась — и дым тут же рассеялся, только после этого посыльная смогла двигаться. Она бросилась к зданию, но то исчезло прямо у нее на глазах, оставив после себя лишь проулок, заросший сорняками и укутанный мраком.

Часто случалось, что я издалека узнавала сестру по голосу — так вышло и теперь. В открытое окно Дома Безье лились ее льстивые, напевные речи — и интонации были совсем как у нашей мамы, пока она не затянула грязную песенку, в которой хрупкая мужская анатомия сравнивалась с одним фруктом.

Я вошла в дом незамеченной. Две девчушки танцевали с невидимыми кавалерами, а толпа остальных обитательниц не сводила глаз с моей сестры, самой талантливой из всех собравшихся.

Комнаты в Доме Безье снимали девушки особого сорта. Почти все они работали там, где несложно было поднатореть в сквернословии: убирались в домах, прислуживали на кухнях, трудились на фабриках и соглашались на многие другие низкооплачиваемые предложения, которые только можно было получить в *vieux quais* — старых доках — Дюрка. Я же работала в дубильне¹ Фреллак, где женщины кор-

¹ Дубильня — помещение, где кожа подвергается дублению — обработке специальными составами, придающими ей пластичность, прочность и другие свойства. После этого из нее производят различные изделия. — *Прим. пер.*

пели над шершавыми алюминиевыми кастрюлями и бочками с краской. Но Зося — Зося от нас отличалась.

— С днем рождения! — крикнула я, когда она допела свою песенку.

— Жани! — Зося подскочила. Ее большие карие глаза поблескивали на чересчур исхудавшем лице, обтянутом бледно-оливковой кожей.

— Ты ужинала? — Я оставила ей немного еды, но та имела обыкновение исчезать — спасибо толпе постоялиц Дома.

— Да. Ты каждый вечер об этом спрашиваешь! — недовольно проворчала она.

— Само собой. Я же твоя старшая сестра. Это моя главная обязанность! — Зося сморщила нос, и я легонько по нему щелкнула. Потом сунула руку в сумку, вытащила из нее газету, стоившую мне половину дневного жалованья, и вложила сестре в руки. — Ваш подарок, мадам! — В этом Доме именинников не засыпали горстями сахарной пудры — дни рождения здесь доставались огромным трудом и ценились на вес золота.

— Газета?

— Раздел с вакансиями, — подсказала я и с хитрой ухмылкой нашла нужную страницу.

Там предлагали работу в магазинах маскарадных костюмов, кондитерских, парфюмерных — словом, вакансии, на которые едва ли могла рассчитывать девочка тринадцати лет, тем более что на вид ей сложно было дать больше десяти. По счастью, я для нее присмотрела совсем не это.

Пролистав первые объявления, я указала ей на то, что опубликовали всего час назад.

Напечатано оно было фиолетово-алой краской, напоминавшей цветом и кроваво-красные маки из Алиньи, и толченый аметист. Эта надпись сразу бросалась в глаза, точно причудливый яркий маяк посреди черно-белого моря.

Нас тут же обступили постоялицы Дома. Все как зачарованные смотрели на фиолетовые чернила, а те искрились и переливались всеми цветами радуги, точно лунные камешки.

Адрес не указали. Впрочем, это было ни к чему. Легендарный отель раз в десять лет появлялся в одном и том же проулке на окраине города. Сейчас там, наверное, уже собрался весь город — и все как дураки ждут возможности попасть внутрь.

Несколько лет назад приглашения в отель заранее разослали самым богатым горожанам. А в день, когда он появился в проулке, еще несколько бесценных конвертов раздали случайным людям в толпе. Наша покровительница, Минетта Безье, попала в число счастливиц.

В полночь гости переступили порог отеля и исчезли — вместе с самим зданием. А спустя пару недель вернулись в тот же проулок — внезапно, как гром среди ясного неба.

Я представила, как вскрываю конверт со своим приглашением, и пальцы свело приятной судорогой. Но даже если нам повезет, нужно еще заплатить за номер — а они там не из дешевых.

Зося сдвинула брови.

¹ От фр. *Magnifique* — «великолепный». — *Прим. пер.*

— Хочешь, чтобы я пошла на собеседование?

— Не совсем. На него пойду я. А ты — на прослушивание, как певица.

Прошлый раз я водила ее на прослушивание четыре года назад — тогда все кончилось неудачно и мне не хватало духу повторить попытку. Но сегодня был знаменательный день. День рождения Зоси, а заодно и день появления отеля. Лучше и не придумаешь.

— В отели постоянно требуются певцы, — продолжила я. — Ну, что скажешь?

Зося улыбнулась, и от волнения у меня закололо пальцы на ногах.

Одна из девушек постарше заправила сальную прядь белокурых волос за розовое ухо.

— Пустая замануха это все. Вряд ли кому-то из нас там дадут работу.

— Неправда, — возразила я, выпрямившись во весь рост. Девушка пожала плечами и отвернулась.

— Делайте что хотите. А я время попусту тратить не стану.

— Она ведь права, да? — неуверенно спросила Зося, и уголки ее нежных губ опустились.

— Ни капельки, — заверила я ее — пожалуй, чересчур поспешно. Зося нахмурилась, а я тихо ругнулась и провела пальцем по старинному маминому ожерелью.

Дешевенькое украшение было сделано из верданьерского золота, прочного как сталь. Маман всегда шутила, что и мой хребет отлит из этого металла. Я часто прикасалась к этой вещице, когда мне нужна была мамина помощь с Зосей. Не то чтобы я ее получала — с мертвых матерей какой спрос.

— Раз отель напечатал объявление, значит, шанс есть. Завтра мы им покажем, на что способны. Когда они увидят, какие мы умницы, мы наконец распрощаемся с этой дырой.

Эта мысль ярким угольком теплилась в груди.

Дрожащими пальцами я поправила один из локонов темноволосой Зоси — совсем как когда-то маман.

— Давай покажем объявление Безье. Она знает об отеле больше, чем все мы.

Сестра кивнула, глаза у нее блестели. Я взяла у нее из рук газету, раскрытую на разделе с вакансиями, и поспешила к Безье, а девочки — за мной. Преодолев два лестничных пролета, я оказалась в своей любимой комнате — гостиной, расположенной на третьем этаже. До того как Безье купила это здание, здесь жили матросы. Поэтому комната была увешана полками, забитыми старинными морскими картами и атласами далеких стран, которые я частенько листала.

Безье сидела у огня, поставив на подоконник ноги, затянутые в чулки. За окном виднелся порт Дюрка и лил дождь, превращая ненавистный мне город в размытое пятно.

Когда мы все вбежали в гостиную, Безье поджала губы.

— Что опять стряслось?

Я протянула ей газету. Отблески пламени упали на фиолетовые буквы, и Безье изменилась в лице.

— Что такое? — спросил кто-то за моей спиной.

Безье взглянула поверх камина, на забраный стеклом лист бумаги — ее собственное приглашение. В бледном свете фиолетовые чернила на нем переливались так же, как и краска, которой было отпечатано объявление.

— Я так понимаю, отель «Манифик» возвращается.

Открылась еще одна дверь, и еще несколько постоялиц протиснулись в гостиную — их тоже распирало от любопытства.

— Я слышала, там гости за завтраком пьют из бокалов жидкое золото, — сказала какая-то девушка в дальнем углу комнаты. И тут все принялись делиться сплетнями.

— Говорят, там подушки набиты не перьями, а настоящими облаками!

— А я слышала, будто каждую ночь отель трижды пересекает весь свет!

— А красавцы швейцары там все сплошь принцы из далеких краев...

— Они, небось, и целуются, как положено принцам. — Смуглая румяная девица вульгарно цокнула языком. К счастью, Зося этого не заметила. Она расплылась в улыбке.

Увы, проверить правдивость этих слухов было невозможно: перед тем как покинуть отель, гости лишались всех воспоминаний о времени, проведенном в его стенах, и возвращались домой только с вещами и чувством безграничного счастья. Безье даже приходилось по первости лед к лицу прикладывать — слишком сильно болела челюсть от широкой улыбки.

Я с любопытством посмотрела на нашу покровительницу. Ее взгляд затуманился, точно возвращение отеля пробудило в ней какое-то воспоминание. Я открыла было рот, чтобы поподробнее расспросить ее об этом, но тут Зося выступила вперед.

— А вы видели хозяина?

Метрдотель — хозяин отеля «Манифик» — был известен ничуть не меньше, чем его собственность.

Безье самодовольно кивнула.

— Однажды, когда я была еще юна и хороша собой, отель в очередной раз возник в городе. На всю жизнь запомнила улыбку хозяина — ничего прекрасней не видела! Он буквально светился, когда приветствовал толпу! Помнится, у него в руке откуда ни возьмись появился цветок, и он бросил его мне. — Она сделала вид, будто ловит крошечный бутон. — Он пах, как черничный пирог, но мгновенно рассыпался в моих пальцах. А когда десять лет спустя отель снова возник в проулке, оказалось, что хозяин ничуть не изменился!

— Это как? Он что, был одет как и прежде? — спросил кто-то.